

Научная статья
УДК 393.05:572.71
doi: 10.17223/2312461X/46/5

Погребальный обряд и антропология айну Южного Сахалина по материалам некрополя Нового времени Кузнецово 1

Александр Александрович Василевский¹
Сергей Владимирович Васильев²
Светлана Борисовна Боруцкая³
Павел Анатольевич Пашенцев⁴
Александр Валерьевич Можяев⁵
Наталья Александровна Лейбова⁶
Равиль Марветович Галеев⁷

^{1, 4} Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

^{2, 6, 7} Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

³ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵ Малое предприятие ООО «Сахалинская археологическая экспедиция»,
Южно-Сахалинск, Россия
¹ vasilevski@bk.ru

^{2, 3} vasbor1@yandex.ru

⁴ Pashentsev@inbox.ru

⁵ mozaevav@rambler.ru

⁶ leibova.natalia@iea.ras.ru

⁷ ravil.galeev@iea.ras.ru

Аннотация. Анализируются археологические и антропологические материалы из некрополя Нового времени Кузнецово 1, расположенного на крайнем юго-западе о-ва Сахалин в непосредственной близости от о-ва Хоккайдо. Описан антропологический материал и сопроводительный погребальный инвентарь, реконструирован физический облик и выявлена особенность – относительная низкорослость населения, проживавшего в местечке Сони и оставившего на берегу Татарского пролива могильник XVII–XVIII вв. Приводится краниологическая характеристика черепа мужчины айну и соответствующая ему скульптурная реконструкция лица по методу М.М. Герасимова.

Ключевые слова: айну, Сахалин, Новое время, могильник Кузнецово 1, реконструкция, одонтология

Благодарности: Васильевым С.В., Галеевым Р.М., и Лейбовой Н.А. работа выполнена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (тема «Закономерности популяционной дифференциации человечества в пространстве и времени»).

Боруцкой С.Б. работа выполнена в рамках государственного задания «Формирование некоторых морфофункциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» (госбюджет, раздел 0110 (для тем по госзаданию), номер 01-1-21, номер ЦИТИС 121031600200-2).

Для цитирования: Василевский А.А., Васильев С.В., Борутская С.Б., Пашенцев П.А., Можяев А.В., Лейбова Н.А., Галеев Р.М. Погребальный обряд и антропология айну Южного Сахалина по материалам некрополя Нового времени Кузнецово 1 // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 113–140. doi: 10.17223/2312461X/46/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/5

Funeral Rite and Anthropology of the Ainu of Southern Sakhalin Based on Materials from the Necropolis of the New Time Kuznetsovo 1

Alexander A. Vasilevski¹, Sergey V. Vasilyev²,
Svetlana B. Borutskaya³, Pavel A. Pashentsev⁴,
Alexander V. Mozhaev⁵, Natalia A. Leibova⁶, Ravil M. Galeev⁷

^{1, 4} Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation

^{2, 6, 7} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁵ Small Enterprise OOO Sakhalin Archaeological Expedition,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation

¹ vasilevski@bk.ru

^{2, 3} vasbor1@yandex.ru

⁴ Pashentsev@inbox.ru

⁵ mozaevav@rambler.ru

⁶ leibova.natalia@iea.ras.ru

⁷ ravil.galeev@iea.ras.ru

Abstract. The article analyzes archaeological and anthropological materials from the necropolis of the New Time Kuznetsovo 1, located in the extreme southwest of Sakhalin Island in close proximity to Hokkaido Island. The burial inventory is characterized, the anthropological material is described, the physical appearance is reconstructed and a feature is revealed – the relative short stature of the population of who lived in the village of Sony in the 17th–18th centuries and left burials on the shore of the Tatar Strait. The craniological characteristics of the skull of the Ainu man and the corresponding sculptural reconstruction of the face according to the method of M.M. Gerasimov are given.

Keywords: Ainu, Sakhalin, New Time, burial ground Kuznetsovo 1, reconstruction, dental anthropology

Acknowledgements: Vasilyev S.V., Galeev R.M., Leibova N.A. the work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences (topic "Patterns of population differentiation of mankind in space and time").

Borutskaya S.B. the work was carried out within the framework of the state assignment "Formation of some morpho functional features of man in phylo- and ontogenesis" (state budget, section 0110 (for topics on state assignment), number 01-1-21, CITIS number 121031600200-2).

For citation: Vasilevski, A.A., Vasilyev, S.V., Borutskaya, S.B., Pashentsev, P.A., Mozhaev, A.V., Leibova, N.A. & Galeev, R.M. (2024) Funeral Rite and Anthropology of the Ainu of Southern Sakhalin Based on Materials from the Necropolis of the New Time Kuznetsovo 1. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 113–140. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/5

Введение

Айну – один из древнейших этносов островного мира Восточной и Северо-Восточной Азии – создатели и наследники историко-культурной общности эпохи неолита и палеометалла *дзёмон – эпидзёмон* (15 000 л. н. – VI в. н.э.) и археологических культур эпохи Средневековья *сацумон* (VII–XIII вв.) и *найдзи* (XIII–XVII вв.). Вопросы, рассматриваемые в статье, входят в проблемную область на стыке археологии, этнографии и физической антропологии айну. Изучаемый объект – айну южной части о-ва Сахалин. Предметом и источником исследования стал айнский могильник Нового времени в составе многослойного поселения Кузнецово 1, изученный в 1980-е гг. В.А. Голубевым и одним из авторов данной статьи (Голубев 1986). Погребальный инвентарь из могильника в 2013 г. изучался российско-японской группой в рамках совместного исследования археологов и историков Сахалинского государственного университета и Университета Хиросато (Япония) (Sekini Tatsuhito 2013, 2014). Актуальное звучание тематика получает в связи с новым интересом российского общества к айнскому вопросу в первой четверти XXI века, когда в реальном времени наблюдается активизация самосознания коренных малочисленных народов Дальнего Востока Российской Федерации. Антропологические материалы из Кузнецовского могильника в профессиональном освещении публикуются впервые.

История исследования. В 1940 г. Сакузаэмон Кодама отметил высокую антропологическую вариативность айну Сахалина по ряду признаков: большая высота лицевого скелета, малая высота мозговой коробки, уплощенная носовая область и глубокие глазницы. Эти особенности объяснялись интенсивным смешением айну с уйльта и нивхами. Позицию Кодама уже в 1970–1980-х гг. опровергли новыми краниометрическими обмерами тех же образцов Бин Ямагучи, Юкио Додо и др. (Василевский 1987). В 1967 г. С. Ито выделил пять групп айну, и к одной из них отнес айну Южного Сахалина, охотского побережья Хоккайдо и Южных Курил. Локализация объяснялась влиянием носителей охотской культуры (Ito 1971). В 1982 г. Ойи Харуо (Ohyi 1985) обосновывает обособление сахалинской ветви айну в процессе их массового переселения на Сахалин в XIV–XVII вв. С 1990-х гг., наряду с исследованиями антропологов Хаджиме Исида, Цунето Ханихара и др., особенное развитие получают исследования генетики айнов (ex. Atsushi Tajima et al. 2004). В Российской Федерации наиболее авторитетные предшествующие антропологические исследования принадлежат Г.Ф. Дебецу (1951),

В.П. Алексееву (1966), Я.Я. Рогинскому, М.Г. Левину (1978), А.Г. Козинцеву (2014, 2017, 2021).

Исторический фон. Формирование современных айнов связывается с двумя миграциями. Первая – переселение *эмиси – палеоайну* с о-ва Хонсю на о-в Хоккайдо в ответ на северную экспансию японских земледельцев и воинов в периоды Асука, Нара, Хэйан и Камакура в VII–XIII вв. н. э. К X в. совместно с айну Хоккайдо эмиси ассимилировали на Хоккайдо и Курильских островах недавних мигрантов из бассейна реки Амур – население *охотской культуры*, трактуемое нами как *мохэ*. Аналогичные курильским события произошли в те же годы и на Южном Сахалине, где в китайских хрониках палеоайну выступают под этнонимами *кувэй* и *вэйгу*. Уже в XIV в. айну завоевали южную часть Камчатского п-ова, где вступили в контакт с ительменами и коряками.

Вторая крупная северная миграция айну с Хоккайдо на Сахалин произошла в XVI–XVII вв., когда *айнумосири – земля населенная айну* – окончательно сформировалась в треугольнике Сахалин – Хоккайдо – Курильские о-ва – п-ов Камчатка. По хронологии вторая миграция совпадает с периодом Эдо – укреплением японского централизованного государства в начале правления семьи Токугава и захватом Китая маньчжурами. Первое обстоятельство привело к усилению натиска японского государства на айнские земли, а второе – к расширению на север до реки Амур влияния Китая через развитие так называемой *Сантан* торговли. Усилению потока товаров из Поднебесной на Сахалин, Хоккайдо и в северную Японию вопреки режиму самоизоляции, действовавшему в последней с 1641 по 1853 г., происходило при посредничестве нивхов и айну, что было весьма прибыльным делом. Рост торгового оборота запустил новые экономические, политические, культурные и этнические процессы в системе материк–острова. Систематическое движение товаров в обе стороны активизировало движение наиболее активных групп населения и ускорило процессы взаимной ассимиляции участников описываемых событий на дальневосточной периферии восточноазиатского ядра мир-системы.

Современные оценки. Сказанное подтверждает результат международной группы генетиков во главе с А.Т. Duggan, изучившей среди других групп Восточной Сибири и Дальнего Востока нивхов Сахалина. Исследование показало метисацию нивхов с айну – до 27% (Duggan 2016). В этом ключе самую оригинальную характеристику айну с точки зрения антропологии дал А.Г. Козинцев: «В Восточной Азии есть... группа, которую с полной уверенностью можно считать не метисной, а реликтовой. Это айну. Именно у них никакой антропологической промежуточности не наблюдается. Сочетание признаков у айну крайне противоречиво. Генетически они однозначно сближаются с северными и восточными монголоидами (отнести это целиком за счет метисности невозможно), сундадонтия объединяет

их с южными монголоидами, а краниологически, и особенно соматологически, айну вовсе не монголоидны» (2014: 31).

Материал исследования. Кузнецовский могильник

Объект археологического наследия многослойное поселение Кузнецово 1 известен с 1930-х гг. под названием *Сони кайзука* – раковинная куча *Сони*, по одноименным айнским топонимам – селению и реке – ныне, соответственно урочище Кузнецово и река Кузнецовка. Памятник в 1930–1933 гг. изучали Кимура Синроку, Ито Нобуо, в 1955 г. – Р.В. Чубарова (Козырева), в 1979–2015 гг. – В.А. Голубев и др.

Многослойный археологический объект Кузнецово 1 располагается в 28 км на север от крайней юго-западной точки о-ва Сахалин – мыса Крильон на берегу Татарского пролива, относящегося к Японскому морю (рис. 1). В ходе раскопок 1979–1985 гг. общей площадью 448 м² А. Василевским выделено пять культурно-временных комплексов: очаги и рабочие площадки финального *дзёмона* (XII–V вв. до н. э.); жилища *сусуйской* культуры (V в. до н. э. – V в. н. э.) и локальной культуры *перепутье-товада* (V–VI вв. н. э.); концентрации керамического брака и рабочие площадки эпохи Средневековья – VII–XIII вв. В слое хорошо сохранились остатки травяной крыши айнского жилища позднего Средневековья – Нового времени. Непосредственно на поверхности дюны и в дерне собрана коллекция артефактов XIX–XX вв.



Рис. 1. Долина реки Кузнецовка и участок побережья Японского моря в районе размещения многослойного поселения и могильника Кузнецово 1 (1). Вид с ССЗ. Фото из архива Учебного музея археологии СахГУ

Могильник в составе археологического объекта Кузнецово 1 является кладбищем айнского селения Сони. Все известные могильники айнов располагаются к северу от жилища и обязательно отделяются от поселения рекой или ручьём, что связано с отношением к мёртвым как к источнику вреда. Размещение Кузнецовского могильника на косе между морем и рекой подтверждают сказанное. Могильник, впущенный в верхний слой поселения на глубину до 50–70 см, включал восемь грунтовых погребений (рис. 2). Пять из них располагались «в линию» с очевидными признаками планировки, еще три обнаружены вне описанной структуры, в стороне. Два из трех разобраны в раскопах 1981 и 1985 гг., оба непоправимо повреждены поздними перекопами. Третье обнаружено при электромагнитном сканировании объекта культурного наследия и сохранилось в целости в границах охраняемой территории.



Рис. 2. Погребение № 4. Могильник Кузнецово 1. Раскоп 2. 1982 г. Снято с юга.
Фотоархив Учебного музея археологии СахГУ

Погребение 1, принадлежавшее женщине, обнаружено на глубине 65 см и имело некоторые особенности. Погребённая уложена в позе эмбриона на правый бок, головой на север-северо-восток (ССВ), лицом на запад, ноги согнуты в коленях. Череп разбит после смерти и закрыт большим плоским камнем округлой формы. Человек особенный, так как погребен по иному обряду, нежели остальные: на боку и с подогнутыми коленями. То, что лицо разбито и закрыто камнем, прямо указывает на отрицательное отношение к погребенной, хотя обряд выполнен полностью, включая сопроводительные вещи. В средней части позвоночного отдела найдена чашечка курительной трубки, а в районе таза – сильно корродированное лезвие ножа и истлевшие остатки деревянных ножен.

Погребение 2 обнаружено на глубине 68 см. Погребённый уложен на спину, туловище прямое, руки вытянуты вдоль туловища, ориентация на ССВ, голова повернута направо, лицом в «страну мертвых», на запад.

С левой, восточной, стороны, у головы обнаружена курительная трубка (рис. 3, 1). Ниже, в районе левой руки обнаружен железный меч в деревянных ножнах. Клинок меча прямой, имеется бронзовая гарда. Судя по состоянию зубной системы, погребение принадлежало подростку.



Рис. 3. Погребальный инвентарь XVII–XVIII вв. н. э. из айнского могильника Кузнецово 1: 1–3 – курительные трубки, бронза; 4, 5 – височные серьги, серебро; 6, 7 – гарды, бронза

Погребение 3 обнаружено на глубине 51 см и также ориентировано на ССВ. Пол определен как женский. У черепа обнаружены кольца – серьги из проволоки белого металла (рис. 3, 4, 5). Химический анализ показал сплав, включавший кроме серебра цинк и свинец. У правой бедренной кости находилась латунная курительная трубка, вложенная в футляр из растительных волокон. У левого бедра – остатки миниатюрного железного ножа в деревянных ножнах с остатками резьбы, изображавшей лицо человека. В ногах лежали остатки деревянной лаковой чашки. Ещё одна курительная трубка обнаружена у голени правой ноги.

Погребение 4 (см. рис. 2) располагалось на глубине 75 см. Ориентация скелетных останков также на ССВ. Погребённый, по всей видимости, мужчина 25–35 лет (*adultus*) уложен на спину, лицом вверх. Латунная курительная трубка, обнаружена у кисти левой руки, вокруг неё – остатки плетеного кисета. Возле голени левой ноги – остатки лаковой чашки. Еще одна чашка – у правой руки погребённого. Внутренние стенки чашек окрашены лаком красного цвета, внешние – чёрным цветом и расписаны золотистой краской.

Погребение 5 и 6 тройное (мужчина, женщина и младенец), костяки обнаружены на глубине 53–54 см, ориентированы единообразно, на север. Погребение № 5 принадлежит взрослому мужчине, № 6 – женщине, кости младенца располагались здесь же, сохранность плохая. Кости женщины лежали выше костей мужчины. У висков мужчины найдены серьги – кольца из белого металла; на грудной клетке – бронзовые колокольчики и курительная трубка; здесь же клык медведя, а у тазобедренных костей – фрагмент металлического ножа в полусгнивших ножнах из дерева. Кроме того, в районе шейных позвонков обоих погребений найдены 106 бусин из стекла голубого цвета. Монеты *Каней-цухоу*, выпускавшиеся в Японии в эпоху Эдо (XVII – первая половина XIX в.), лежали стопкой в ногах погребенного мужчины.

Погребение 7 располагалось в стороне на глубине 75 см. Погребённый уложен на правый бок, руки скрещены на груди, ноги подогнуты, головой ориентирован на ССВ, лицом на запад. Рядом со скелетными остатками располагалась расколотая чашечка глиняной курительной трубки. Немного в стороне от погребения – латунная курительная трубка и бусина голубого цвета, вероятно, принадлежавшие другому погребению. Погребение 8 обнаружено к югу от основной группы на глубине 38 см. Останки ориентированы на СВ. Погребённый располагался на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Сопроводительный погребальный инвентарь следующий: вложенная в кисет из растительных волокон латунная курительная трубка, ниже – железный меч в деревянных ножнах. Ножны оплетены берестой (рис. 4). Клинок меча слабо изогнутый, имеется бронзовая гарда (см. рис. 3, 6, 7). Поверх меча лежал железный нож в деревянных ножнах. С западной стороны костяка, в районе костей таза, зафиксированы остатки сгнившей лаковой чашки. На поверхности грудной клетки обнаружено костяное кольцо, вероятно использовавшееся при стрельбе из лука. Между рёбрами и тазобедренной частью скелетных останков обнаружены три черешковых костяных наконечника стрел усечённо-конической формы с пером круглого сечения.

Данное погребение является наиболее древним, но не древнее XVIII в. В пользу этого свидетельствуют костяные наконечники стрел и гарда. Последняя изготовлена из кустарной копии бронзового зеркала.



Рис. 4. Меч типа катана в деревянных ножнах, обложенных берестой.
Погребение 2. XVII–XVIII вв. н. э. Могильник Кузнецово 1. Раскоп 3. 1982 г.

Тыльная сторона зеркала украшена двумя парами концентрических линий, размещенных на периферии композиции, параллельно ободку. В центре изделия треугольное окно для хвостовика разрубило барельеф – группу из трех листьев. По единому мнению, высказанному участниками российско-японского симпозиума, зеркало-гарда отлито по оригиналу периода Муромати в известных мастерских в районе города Эдо и относится к началу XVIII в., являясь необычайно важной датирующей находкой. На мече сохранилась ажурная гарда – *цубо*, имеющая форму, известную как *кикука-гата*. Цубо изготовлена из меди с примесью свинца весьма профессионально, и все же, вероятнее всего, она являлась недорогой подделкой эпохи Эдо ранее известных древних форм XV–XVI вв. (Соколов 2009), копировавших шестнадцатилепестковую хризантему. На лицевой стороне гарды слева от окна и площадки *эппа дай* размещено овальное окно для выхода шпильки – *когай ана* (см. рис. 3, 7). Такие гарды, по мнению Сэкине Тацухито, датируются в границах XVII–XVIII вв. и изготавливались на о-ве Хонсю специально для продажи айну.

Во всех трех случаях находок мечей на памятнике это весьма недорогие изделия, все с клинком не более 60 см, все смонтированы из недорогих деталей. Примечательно следующее. Меч из погребения 2 с широким клинком, ближе к палашу, форма хвостовика не по стандарту прямая, без характерного сужения на конус, какое видим в остальных двух мечах. Предполагаем его кустарное изготовление. Мечи из погребений № 7 и 8, изготовлены в Японии и имеют слабоизогнутую форму клинка. Отверстия под шпильки на хвостовиках ранней, конической формы, что позволяет относить их к XVIII в. Все металлические украшения из Кузнецовского могильника изготовлены из низкокачественных сплавов серебра с цинком и свинцом. Лаковые изделия, обнаруженные в полуразрушенном виде в погребениях, – так называемые лаковые ящички для блюд *бенто* и пиалы для *сакэ*, которые продавали айну две известные компании – производители лаковой утвари в Японии – Мимидарай и Хоккай. На Южный Сахалин лаковые изделия впервые попали в XVIII в., что мы объясняем известной массовой северной миграцией айну. На севере Сахалина и на Амуре лаковые изделия из Японии появляются с развитием Сантан торговли с маньчжурами. Еще одно любопытное наблюдение – оружие и гарды, как

дорогие предметы длительного пользования, представляют в могильнике группу семейных реликвий XVIII в. Согласно дневнику Корнелиуса Куна – штурмана голландской экспедиции Мартина Герритса де Фриза на Сахалине, айну в 1643 г. уже употребляли табак и имели «медные трубки». Курительные трубки из Кузнецовского могильника, типологически относимы к так называемым длинным трубкам. Это вещи личного пользования, и в жизни одного человека их может быть с десятков. Они наиболее точно датируют могильник XVIII в. Наличие глиняной трубки может скорее указывать не на древность, а на бедность усопшего. По инвентарю в погребениях видим, что принципиально больших отличий в наборе вещей не было, но и богатыми айну из местности Сони, судя по вышеописанному, назвать сложно.

Результаты исследования

Палеоантропологический анализ. В некрополе Кузнецово I были обнаружены сильно фрагментарные скелеты шести взрослых индивидов – трех мужчин и трех женщин, – а также отдельные кости одного ребенка. Фактически скелеты были представлены более-менее целыми длинными костями конечностей, от одной до пяти костей, на которых можно было провести минимум измерений, а также сильно фрагментарными костями поясов конечностей и осевого скелета. По результатам измерений были рассчитаны индексы пропорций конечностей и массивности, а также прижизненная длина тела и др. Удалось вычислить лишь отдельные индексы. Но даже они являются весьма интересными. Прижизненную длину тела мы рассчитывали по формулам, учитывающим длину костей ног. Определить длину тела удалось для всех шести индивидов, даже для женщины из погребения 1, кости которой были очень сильно повреждены. Результаты расчета различных параметров скелетов представлены в табл. 1–3.

Удалось посчитать всего несколько индексов пропорций конечностей, поэтому говорить о какой-либо закономерности не приходится. В табл. 1 в скобках приведен размах вариаций индексов у человека современного типа. Данные взяты из работ Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина (Рогинский, Левин 1978) и Е.Н. Хрисанфовой (Хрисанфова 1978), а также из наших исследований.

Плече-бедренный индекс рассчитан только для одной женщины. Результат указывает на относительно удлиненные плечевые отделы рук (или укороченные бедренные отделы). Луче-большеберцовый индекс удалось посчитать только для одного мужчины. Его величина оказалась очень высокой, что соответствует сильно удлиненным предплечьям относительно голеней. Для трех индивидов мы смогли рассчитать берцово-

бедренный (или круральный) индекс. У одного мужчины и у одной женщины индексы оказались по величине ниже среднего. И в этих случаях можно говорить о немного укороченных голенях. Также у женщины из погребения 2 индекс оказался довольно высоким, что соответствует удлинённым голеням.

Таблица 1
Индексы пропорций конечностей и прижизненная длина тела

Погребение	Индекс			Длина тела
	плече- бедренный (68,8–72,9)	луче- большеберцовый (62–71)	берцово- бедренный (77,3–86,6)	
Мужчины:	–	79,07	79,95	156,4 см
Погребение 4	–	–	80,50	
Погребение 5 ск. 1	–	–	–	162,9 см
Погребение 6	–	–	–	151,4 см
Женщины:	–	–	–	150,2 см
Погребение 1	–	–	–	150,2 см
Погребение 2	75,67	–	–	149,6 см
	–	–	85,26	
Погребение 3	–	–	80,48	148,1 см
	–	–	–	

Примечание. В скобках представлен размах вариаций значения индекса у человека современного типа.

Прижизненная длина тела рассчитана по длине костей ног по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертюи и Хеддена (цит. по: Алексеев 1966). Далее было определено среднее значение длины тела для каждого индивида (см. табл. 1). Длину тела удалось определить для всех шести взрослых индивидов. У мужчин прижизненный рост варьируется в пределах 151,4–162,9 см. Рост женщин составлял 148,1–150,2 см. Таким образом, рост мужчин и женщин был малым и ниже среднего. В табл. 2, 3 приведены результаты определения индексов массивности (прочности) отдельных костей скелета конечностей, а также некоторые другие показатели (сверху – правые индексы, снизу – левые).

Таблица 2
Индексы массивности и сечения диафизов костей верхних конечностей индивидов из айнского могильника Кузнецово I

Погребение	Кости				
	плечевая 7/1 (18–22)	плечевая 6/5	локтевая 3/2 (15–18)	локтевая 11/12	локтевая 13/14
Мужчины:	–	–	–	–	–
Погребение 4	–	–	14,58	72,22	80,00
Женщины:	18,38	68,42	–	–	–
Погребение 2	–	–	–	–	–

Примечание. В скобках указан размах вариаций индекса для человека современного типа.

Сильная фрагментарность скелетов позволила определить очень незначительное количество индексов и только для двух индивидов. Для плечевых костей индексы посчитаны только для одного индивида, причем, это женщина. Так, массивность плечевой кости женщины из погребения 2 оказалась крайне низкой. То есть кость была выражено грацильной. Индекс сечения середины диафиза оказался небольшим, что указывает на сильную уплощенность кости в ее средней части. Индексы локтевых костей определены только для одного мужчины из погребения 4, в котором локтевая кость оказалась очень грацильной. В средней части тела она уплощена, хорошо развит межкостный край. В верхней части диафиза, на уровне лучевой вырезки, кость среднеуплощена (эуроленична), кроме того, межкостный край имеет умеренное развитие. В целом можно предположить грацильность скелетов верхних конечностей у айну из Кузнецовского могильника.

В табл. 3 представлены результаты вычисления индексов массивности и некоторые другие показатели скелетов нижних конечностей (бедренных и большеберцовых костей) индивидов из могильника. В скобках указаны размахи вариации значений признака у человека современного типа. Относительно некоторых индексов вариации значений связаны с определенными градациями, поэтому понятие размах вариаций не применимо. В таблице сверху указаны правые индексы, снизу – левые.

Таблица 3

Индексы массивности и сечения диафизов костей нижних конечностей индивидов из айнского могильника Кузнецово I

Погребение	Кости							
	бедро 8/2 (18–21)	бедро 6+7 /2 (12–15)	бедро 6/7	бедро 10/9	б.берц. 10/1 (20–22)	б.берц. 10б/1 (18–23)	б.берц. 9/8 (60–90)	б.берц. 9а/8а
Мужчины:	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 4	18,75	11,75	95,83	62,86	–	–	–	–
Погребение 5 ск. 1	– 20,52	– 12,74	– 100,00	– 81,25	–	–	–	–
Погребение 6	21,20 –	13,86 –	104,00 –	81,48 –	–	–	–	–
Женщины:	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 1	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 2	19,52 19,30	12,57 12,33	88,00 91,67	66,67 65,63	– 22,01	– 20,13	– 76,92	– 71,43
Погребение 3	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. В скобках указан размах вариаций индексов у человека современного типа.

Бедренные кости. У мужчины из погребения 4 бедренная кость грацильна. Индекс пиялястрии (6/7) – ниже 100%. Следовательно, можно го-

ворить о том, что кость уплощена в сагиттальном направлении, а шероховатая линия бедра развита слабо. В верхней части диафиза кость также сильно уплощена в сагиттальном направлении, или гиперплатимерична. По фрагментам большеберцовых костей сделано предположение об их саблевидной форме, т.е. очень сильной сплюснутости с боков.

У индивидов из погребений 5 (1) и 6 бедренные кости массивны, особенно у второго индивида. Индекс пилястрии говорит о примерно равном развитии средней части диафиза в сагиттальном и поперечном направлении. У индивида из погребения 6 можно предположить неплохое развитие шероховатой линии бедра. В верхней части диафиза кости индивидов уплощены в меньшей степени, чем у индивида из погребения 4, они платимеричны.

Индексы массивности и сечений диафиза бедренных и большеберцовых костей удалось определить только для женщины из погребения 2. Так, массивность бедренных костей оказалась средней. В средней части диафиза кости расширены, задний пилястр не развит, шероховатая линия бедра слабая. В верхней части диафиза бедренные кости также сильно уплощены в сагиттальном направлении, или гиперплатимеричны. По всем признакам бедренные кости схожи с таковой у мужчины из погребения 4. Левая большеберцовая кость (правая отсутствовала) – высокомассивна и довольно сильно расширена посередине. В нижней части диафиза кость обладает средней степенью прочности. На уровне питательного отверстия, т.е. выше середины, кость сильно расширена, или эурикнемична.

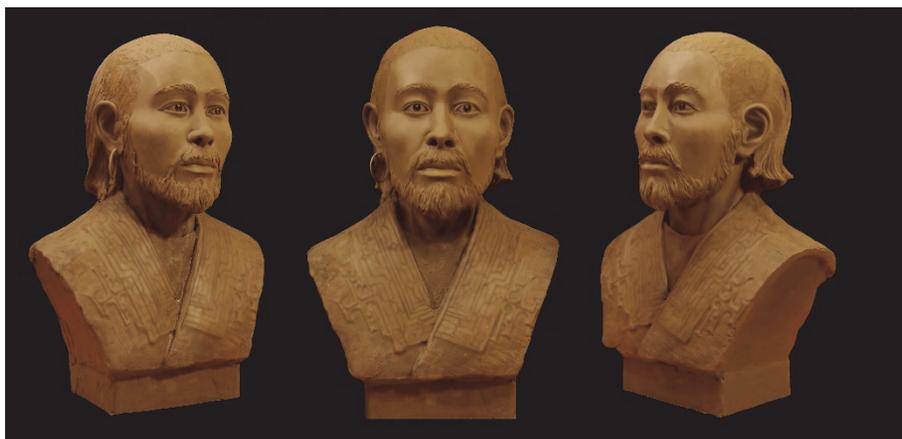


Рис. 5. Реконструкция внешности мужчины из погребения 4. Раскоп, 1982 г. XVIII в. н. э. Айны. Исполнена Галеевым Р.М. Центр физической антропологии ИЭА РАН

Череп айны из погребения 4 имеет сравнительно неплохую сохранность. Исследование проводилось по классической краниологической

программе (Алексеев, Дебец 1964). По этому черепу была проведена пластическая реконструкция по методу М.М. Герасимова (см. рис. 5). Результаты краниологического исследования представлены в табл. 4, 5.

Таблица 4

Краниологические характеристики

№	Признак	Размер
1	Продольный диаметр	179 (?)
8	Поперечный диаметр	144
17	Высотный диаметр	135
5	Длина основания черепа	–
9	Наименьшая ширина лба	92
10	Наибольшая ширина лба	122
11	Ширина основания черепа	129
12	Ширина затылка	116
45	Скуловой диаметр	137
40	Длина основания лица	94
48	Верхняя высота лица	70 (?)
47	Полная высота лица	–
43	Верхняя ширина лица	104
46	Средняя ширина лица	101,5
55	Высота носа	52,3
54	Ширина носа	23,1
51	Ширина орбиты от мф.	40,2
52	Высота орбиты	37,8
77	Назо-молярный угол	–
<zm	Зиго-максиллярный угол	144°
71a	Наименьшая ширина ветви	34
65	Мышелковая ширина	117
66	Угловая ширина	97
67	Передняя ширина	47
69	Высота симфиза	34
69(1)	Высота тела	30
69(3)	Толщина тела	13,5

Таблица 5

Указатели краниофациальных характеристик

8/1	Черепной указатель	80,4
17/1	Высотно-продольный указатель	75,4
17/8	Высотно-поперечный указатель	93,7
9/8	Лобно-поперечный указатель	63,9
12/8	Затылочно-поперечный указатель	80,6
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	51,8
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	95,1
9/45	Лобно-скуловой указатель	67,2
48/45	Верхний лицевой указатель	51,1
48/46	Верхний среднелицевой указатель	68,9
54/55	Носовой указатель	44,2
52/51	Орбитный указатель	94,0

Описание мозговой коробки. Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная. Череп может быть описан как неудлиненный и относительно широкий – брахиокраний. Высотно-продольный указатель – средний, свидетельствует о гипсикрании. В категорию метриокраний черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят о средневысоком черепе. Лоб прямой и визуально узкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию малых и больших соответственно. По лобно-поперечному указателю череп микроземный (узколобый). Лобно-скуловой указатель не большой. Теменные бугры развиты слабо и расположены высоко. Сосцевидные отростки, характерные для мужчин, имеют длину более 2 см и оцениваются баллом 2. Затылок широкий, имеет округлую форму.

Описание лицевого скелета. Лицевая часть черепа широкая и относительно высокая, по верхнелицевому указателю – мезенная (показатель средней высоты лица). Зигмаксиллярный угол относится к категории очень больших, т.е. лицо на скуловом уровне слабо профилировано. Орбиты высокие и относительно неширокие (гипсиконхные). В абсолютных размерах нос длинный и относительно узкий (лепторинный), то же подтверждается и носовым указателем. Зигмаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, т.е. боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму.

Сравнительный анализ мы сделали, используя данные по угловой морфометрии черепа. Угловые параметры черепа позволяют включать в один анализ как мужские, так и женские черепа, что дает нам возможность оценить при помощи метода главных компонент однородность сборной группы айну в целом. В анализе участвовали данные по 17 черепам, измеренным в Музее человека в Париже (Франция), в Институте Антропологии МГУ (Москва, Россия), в краеведческом областном музее (Южно-Сахалинск, Россия) и Сахалинском государственном университете (Южно-Сахалинск, Россия), и имеющим полный набор из 10 угловых параметров (рис. 6). Первые три компонента описывают около 70% изменчивости. По первой компоненте идет увеличение углов *ast-l-ast*, *au-b-au*, *ast-l-b* уменьшение угла *zm-fmo-infor*. Поэтому в правой части графика по оси *x* мы видим относительно низкосводные черепа с невысокой верхней чешуей затылочной кости и относительно грацильной зигмаксиллярной областью. Вторая компонента отражает уменьшение угла *b-au-l*, увеличение угла *l-au-in* и *zm-nl-infor*. В связи с этим в левой части графика по оси *y* располагаются черепа с менее длинной теменной хордой и более длинной затылочной. Третья компонента показывает увеличение угла *fmt-pr-fmt*. Следовательно, в верхней части графика по оси *z* расположились черепа с более широким лицевым скелетом на уровне

орбит. В целом видно, что сборная группа айну неоднородна по формообразующим параметрам черепа. Отчетливо видно разделение серии на три группы по ширине лицевого скелета, т.е. по третьей компоненте. Изучаемый нами череп из Кузнецово 1 в сравнении с другими черепами айну с о. Сахалин и о. Хоккайдо имеет относительно низкий свод мозговой коробки, грацильную зигомасиллярную область, длинную теменную хорду и широкое на уровне орбит лицо. Наиболее близким к нему оказался череп айнской женщины из Японии (хранение Музея Человека, Париж).

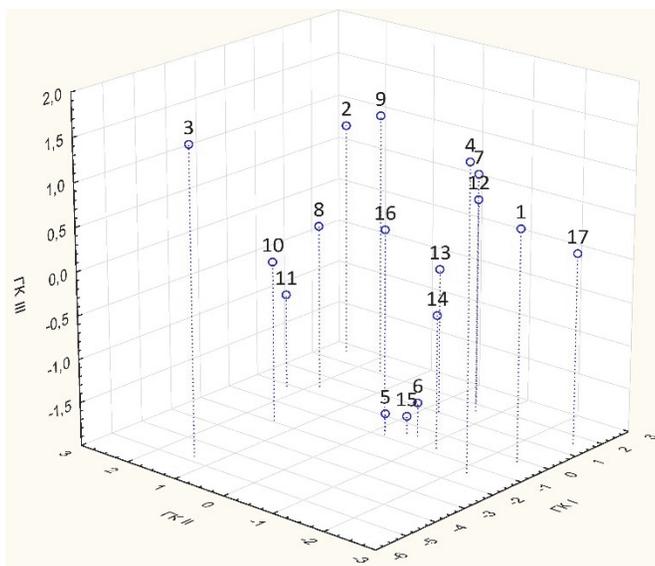


Рис. 6. Расположение черепов айну в поле трех первых главных компонент:
 1 – 10167 Музей человека (Япония, женщина); 2 – 17053 Музей человека (о. Сахалин, женщина); 3 – 17052 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 4 – 17055 Музей человека (о. Сахалин, женщина); 5 – 17046 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 6 – 17054 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 7 – 10166 Музей человека (Япония, мужчина); 8 – 10165 Музей человека (Япония, мужчина); 9 – 8748 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 10 – 4680 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 11 – 4679 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 12 – 4683 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 13 – 4685 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 14 – 4684 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 15 – 4681 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 16 – Уж 5 Краеведческий музей о. Сахалин (о. Сахалин, мужчина); 17 – Кузнецово 1 СахГУ (о. Сахалин, мужчина)

Патологии скелетов. Поскольку скелеты были крайне фрагментарными, увидеть все патологии и аномалии скелетов не представлялось возможным. Отметим следующее. У индивида из погребения 5 (скелет 1) не сменились вовремя вторые верхние молочные моляры. В итоге вторые премоляры выросли медиальнее, фактически в твердом нёбе.

У мужчины из погребения 6 на черепе, на правой теменной кости обнаружена вмятина от вероятного удара тупым предметом. Диаметр раны – около 3,5 см.

У женщины из погребения 3 отметим усиленную васкуляризацию твердого неба, а также заметное утолщение стенки наружного слухового прохода, образованной барабанной частью височной кости, с обеих сторон. По-видимому, эти особенности возникли как реакция организма на воздействие холодных влажных ветров.

Одонтологическое описание и измерения были произведены в соответствии с программой российской одонтологической школы (Зубов 1968, 1979; Зубов, Халдеева 1993) с учетом методических расхождений с ASUDAS (Turner, Nichol, Scott 1991; Scott, Irish 2017) для шести индивидов. К сожалению, из-за плохой сохранности у нас не было возможности получить данные по полной одонтологической программе. В частности, ни у одного из шести индивидов не сохранились зубы фронтального отдела челюстей, что лишает нас возможности получить представление о таких важных для этого региона признаках, как форма и размеры верхних резцов.

Верхние моляры сильно редуцированы: все три доступные для наблюдения UM2 были трехбугорковыми, и даже один UM1 имел форму 3+, что встречается крайне редко (рис. 7). Метаконус на UM2 тоже демонстрирует значительную степень редукции: в двух случаях балл редукции был оценен как 2,5–3, у одного индивида – балл 4. Бугорок Карабелли не был отмечен ни на одном из двух UM1, как и дистальный маргинальный бугорок, и косой гребень. Первые нижние моляры сохранились у пяти индивидов и во всех случаях они имели матуризованную форму Y5. Вторые нижние моляры, напротив, в значительной мере редуцированы, и только один из пяти имел гипоконулид, т.е. характеризовался пятибугорковой формой. Вне зависимости от числа бугорков на всех вторых молярах зафиксирован X-узор межбугорковых борозд. На первых нижних молярах ни разу не были отмечены протостилид (и ямка протостилида), *tami*, эпикристид. Коленчатая складка зафиксирована у одного индивида из четырех, вторая борозда метаконида во всех случаях впадает в третью межбугорковую фиссуру. Дистальный гребень тригонида отмечен у трех индивидов из пяти (рис. 8). Межкорневой затек эмали (балл 6) присутствовал в двух случаях (из трёх наблюдений) как на втором верхнем, так и на втором нижнем молярах. На нижних молярах дважды отмечена передняя ямка как на LM1, так и на LM2 (из четырёх наблюдений на каждый зуб). Задняя ямка на LM1 была зафиксирована у одного индивида из пяти, на LM2 не встречена ни разу (четыре наблюдения).



Рис. 7. Редуцированная форма верхних постоянных моляров (левый квадрант); персистенция второго молочного моляра, спровоцировавшая лингвальный сдвиг второго постоянного премоляра (индивид 1 из погребения 5)



Рис. 8. Дистальный гребень тригонид на первом нижнем постоянном моляре (правый квадрант) (погребение 4)

У мужчин из погребений 4 и 5 была отмечена редкая аномалия: персистенция вторых молочных моляров. Персистенция (от лат. «persistere» – оставаться) – сохранение молочных зубов в альвеолах значительно дольше положенного срока, т.е. во взрослом возрасте. У индивида из погребения 4 наблюдается персистенция обоих нижних вторых молочных моляров, из погребения 5 – обоих верхних и правого нижнего (рис. 9). Редкая встречаемость в популяциях этой особенности позволяет предполагать, что двое этих мужчин – родственники. Интересно, что именно у них наблюдается и адентия (врожденное отсутствие) третьих моляров: в погребении 4 адентия зубов мудрости с обеих сторон нижней челюсти и с левой стороны верхней (дистальный отдел с правой стороны разрушен), в погребении 5 – адентия третьих моляров верхней челюсти.



Рис. 9. Персистенция вторых молочных моляров нижней челюсти (погребение 4)

Столь же скудны и наши наблюдения относительно общего состояния зубной системы. Можно лишь отметить, что кариес не был отмечен ни разу, в то время как линейная гипоплазия зубной эмали, судя по всему, была характерна для этой группы: она зафиксирована у четырех индивидов из пяти. У четырех взрослых наблюдались незначительные отложения зубного камня.

Единичность наблюдений лишает нас возможности провести статистическое межгрупповое сопоставление с имеющимися сериями айнов Сахалина и Хоккайдо (Hanihara 1970, 1979; Turner, Hanihara 1977;

Kaburagi et al. 2010). Не вдаваясь в подробности научной дискуссии относительно места айнов на «одонтологической карте мира», заметим лишь, что исследователи отмечают специфичность одонтологического профиля айнов Сахалина в сравнении с айнами Хоккайдо, их относительную близость к носителям охотской культуры (Matsumura et al. 2009; Kaburagi et al. 2010). Особенности зубной системы изученных нами индивидов из Кузнецово-1 не находят аналогий среди характеристик имеющихся сравнительных серий (табл. 6). С одной стороны, виной тому крайне малый размер нашей выборки и случайность наблюдений, но с другой – эти отличия очень уж разительны. В первую очередь – в степени редукции верхних моляров, о чем было сказано выше. Ни среди айнских групп, ни среди групп предшествующего времени (культур дзёмон, сацумон, охотской) мы не встречаем серии с такими редуцированными верхними молярами. К кругу подобных популяций скорее принадлежат современные нивхи, нанайцы, ульчи (Халдеева 1979). Нивхи и нанайцы демонстрируют близкое к изученной нами серии соотношение частот коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригонида (встречаемость коленчатой складки реже, чем дистального гребня), однако по остальным признакам мы не наблюдаем сходства, в первую очередь, в степени редукции второго нижнего моляра. Для нанайцев эта форма не характерна вовсе, судить о ней у нивхов мы не можем (материал собирался среди детей, у которых еще не прорезался второй нижний моляр постоянной смены). Нет серий с высоким уровнем редукции вторых нижних моляров, т.е. высокой частотой четырехбугорковых форм, какую мы наблюдаем у изученных нами индивидов, и среди всех групп айнов и их предшественников (Kaburagi et al. 2010). Единственная группа с относительно высокими значениями LM2(4) – это носители янковской культуры Приморья эпохи раннего железа (Зубова 2018). Для нее характерны и относительно высокие значения (на фоне остальных серий, за исключением современных групп Дальнего Востока) редукции гипоконуса вторых верхних моляров, и близкое соотношение встречаемости коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригонида.

В целом, можно констатировать, что изученная нами мини-группа характеризуется присутствием маркеров восточного одонтологического ствола (дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида и межкорневой затек эмали), однако судить о степени выраженности монголоидного комплекса мы не можем ввиду полного отсутствия в нашем распоряжении верхних резцов и малого числа наблюдений по другим признакам. Крайне специфическое сочетание одонтологических маркеров, а также наличие у двух индивидов редкой аномалии – множественной персистенции вторых молочных моляров, позволяет предполагать, что мы имеем дело с погребением группы родственников.

Таблица 6

Частоты одонтологических фенов в группах айнов и сравнительных сериях эпохи неолита – Средних веков

№ группы	Показатель	shov (2+3) УП	LM1 (6)	dw	dic	hy (3, 3+) UM2	Cara (2-5) UM1	LM1 (4)	LM2 (4)	tami	proto-stylid
1	Айны Южного Сахалина (Кузнецово-1), XVIII–XIX вв. п/Н*	–	0/5	1/4	3/5	3/3	0/2	0/5	4/5	0/5	0/5
2	Айны Сахалина**	80,0	11,1	30,4	12,5	15,1	10,7	–	26,2	6,7	4,8
3	Айны Хоккайдо Ю-3**	71,4	23,3	18,2	22,2	17,1	5,6	–	45,6	6,3	0,0
4	Айны Хоккайдо С-В**	60,0	7,7	57,1	30,0	31,8	0,0	–	34,9	0,0	6,7
5	Айны Хоккайдо Ю-В**	75,9	19,7	18,8	15,3	24,6	3,2	–	40,5	4,6	5,1
6	Коренное население Приморья (удэгейцы, нанайцы, тацы)	85,3	16,6	29,4	8,0	47,4	10,3	6,7	37,7	–	–
7	Нивхи (Хабаровский край)	63,0	15,6	9,0	22,2	88,0	17,1	2,1	–	2,0	–
8	Нанайцы	51,1	18,0	21,0	31,7	89,5	27,0	1,8	0,0	3,3	–
9	Орочи	62,3	8,6	17,4	20,0	66,7	23,0	8,5	1,3	0,0	–
10	Ульчи	61,3	26,3	38,4	17,5	89,7	23,3	0,0	6,4	0,0	–
11	Удэгейцы	51,2	50,0	26,3	21,0	73,1	27,3	0,0	–	0,0	–
12	Эвенки (Хабаровский край)	34,7	15,1	33,3	13,3	85,0	34,8	12,1	28,0	10,0	–
13	Чжурчжени (Партизанское-3; IX–XIII вв.)	3/4	24,1	56,3	20,0	33,3	40,0	0,0	27,6	0,0	7,1
14	Чжурчжени (Надеждинский м-к)	95,2	5,4	22,2	27,7	–	28,6	–	43,4	5,0	–
15	Мохэ (VIII–XI вв.)	74,1	8,4	20,0	64,6	25,3	13,6	8,4	48,4	6,2	0,0
16	Охотская культура** (V–XII вв.)	85,7	19,2	61,9	29,2	8,3	0,0	–	38,5	4,0	4,0
17	Эпидзёмон/Сацумон** (VII–XII вв.)	71,4	28,6	0,0	0,0	6,7	0,0	–	34,6	0,0	0,0
18	Дзёмон** (13 тыс. до н. э. – III в. до н. э.)	66,7	36,8	27,6	3,1	25,0	13,8	–	22,9	6,8	10,3
19	Янковская культура (IX–V вв. до н. э.)	85,7	38,9	23,1	50,0	43,8	30,0	–	53,3	0,0	–
20	Ымыяхтская культура (III–II тыс. до н. э.)	87,5	11,1	50,0	0,0	50,0	22,2	–	11,1	0,0	–
21	Бойсмана-2 (V–III тыс. до н. э.)	100,0	20,0	0,0	33,3	16,7	16,7	–	28,6	0,0	6,7
22	Чертовы Ворота (VI тыс. до н. э.) п/Н*	1/1	3/5	3/5	4/5	0/4	3/5	0/5	1/1	0/5	0/4

Примечание. У словные обозначения признаков: show(2+3) УП1 – лопатообразная форма верхних медиальных резцов; LM1(6) – шестибугорковая форма нижних моляров; dw – коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре; dte – дистальный гребень тригонида на первом нижнем моляре; hu (3, 3+) UM2 – редукция гипоконуса на втором верхнем моляре; Сага (2–5) UM1 – бугорок Карабелли на первом верхнем моляре; LM1(4) – четырехбугорковая форма первого нижнего моляра; LM2 (4) – четырехбугорковая форма второго нижнего моляра; tap1 – внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре.

* – частоты признаков не вычислялись ввиду малого числа наблюдений; N – общее число наблюдений для данного признака, n – число случаев, когда фен присутствовал;

** – данные по (Kabiragi et al. 2010). Следующие признаки были пересчитаны: hu(3, 3+) UM2 и LM2(4); частоты show(2+3) УП1 не в полной мере сопоставимы с остальными группами, так как определены иным способом, нежели принято в отечественной одонтологии; 13 – неопубликованные данные Н.А. Лейбовой; 2–5, 16–18 – (Kabiragi et al. 2010); 6 – (Воронина, Ващаева 1979); 7–12 – (Халдеева 1979); 14, 19–21 – (Зубова 2018); 15 – (Зубова, Кербс 2018); 22 – (Веселовская и др. 2022).

Заключение

Исследованный айнский могильник – один из немногочисленных памятников истории древней дальневосточной группы людей – айну. В наше время на о. Сахалин чистокровных айну не осталось. Айну – очень древняя группа людей, относительно происхождения которой имеется целый ряд гипотез. Любые находки следов айнской цивилизации приближают нас к пониманию их истории, того, как и когда они оказались на Сахалине и Японских островах, откуда пришли, кто их предки, какой образ жизни они вели, каковы были их этнологические особенности.

Наше исследование показало следующее. В изученной нами группе айну из некрополя Кузнецово 1 (о. Сахалин), датированной XVII–XVIII вв., выявлено семь индивидов.

Краниологический анализ показал, что мужчина из погребения 4 характеризуется брахикранией со средней высотой лица, слабой горизонтальной профилировкой лицевого скелета на уровне скул, длинным и узким носом и высокими орбитами. Данные параметры лица ярко выражены на скульптурной реконструкции, сделанной по методу М.М. Герасимова. Сравнительный анализ показал морфологическую неоднородность сборной группы айну. А череп мужчины из погребения 4 из Кузнецово 1 схож с черепом женщины айну с о. Хоккайдо по формообразующим параметрам.

Остеологическое исследование выявило относительную удлиненность проксимального отдела руки у женщин согласно плече-бедренному индексу. Прижизненная длина тела мужчин и женщин была ниже среднего и малой. Массивность костей рук у мужчин и женщин была низкой, бедренных костей у мужчин – вариабельной, у женщин массивными оказались только большеберцовые кости.

Одонтологический комплекс изученной группы айнов характеризуется крайним своеобразием, не находящим аналогий среди других серий айнов с островов Хоккайдо и Сахалин. По степени выраженности отдельных черт у индивидов из Кузнецово 1 можно найти некоторое сходство с «современными» народами Дальнего Востока (нивхи, нанайцы) и носителями янковской культуры раннего железного века с территории Приморья. Вероятно, захороненные в могильнике индивиды были родственниками.

Из патологий необходимо отметить признаки травмы (ушиба) правой теменной кости мужчины из погребения № 6, которая могла иметь боевой характер. Иные патологии людей группы связаны с проблемами зубочелюстного аппарата, а также с адаптацией организма к условиям окружающей среды (к воздействию холодных влажных ветров).

Список источников

- Алексеев В.П. Остеометрия. М.: Наука, 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Василевский А.А. Исследование поселения Кузнецово-I // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 204–205.
- Веселовская Е.В., Рассказова А.В., Лейбова Н.А., Григорьева О.М. Новые антропологические данные по неолиту Забайкалья и Дальнего Востока. Сообщение 2. Одонтология. Антропологическая реконструкция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 168–194. doi: 10.17223/2312461X/37/10
- Воронина В.Г., Вацаева В.Ф. Народы Сибири и Дальнего Востока. Приморье // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 212–228.
- Голубев В.А. Археологические источники изучения древней истории Сахалина и Курильских островов // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: материалы XIII Дальневост. науч. конф. по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1986. С. 12–27.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования Камчатской области // Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XVII.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А. Заключение // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 229–251.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
- Зубова А.В. Неолитическое население Южного Приморья и его роль в формировании коренного населения Дальнего Востока (по одонтологическим данным из могильника Бойсмана-2) // *Camera praehistorica*. 2018. № 1 (1). С. 117–128.
- Зубова А.В., Кербс (Казакова) Е.А. Одонтология мохэ тройкой группы в контексте формирования населения Дальнего Востока // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 260–263.
- Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расо-генетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.
- Козинцев А.Г. Европеиды, монголоиды, австралоиды: стадийность или метисация? // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 27–35.
- Козинцев А.Г. Айны, японцы, их предки и соседи: результаты краниоскопических исследований в Японии // Айнская проблема (Вопросы этногенеза и этнической истории айнов). Санкт-Петербург; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 87–110.
- Козинцев А.Г. Об индонезийском компоненте в антропологическом составе населения Японии // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 24–36.
- Кун К.Я. К 350-летию плавания голландской экспедиции под руководством Маартена Герритсена Фриса у берегов Сахалина и Курильских островов. Из журнала старшего штурмана Корнелиса Янсона Куна. Вступительная статья, подготовка текста перевода к печати и примечания М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4. С. 98–149.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: МГУ, 1978.
- Соколов А.М. Японские гарды цуба в айнских коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб.: МАЭ, 2009. Т. 55. С. 121–135.
- Халдеева Н.И. Народы Сибири и Дальнего Востока. Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 204–211.
- Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978.

- Atsushi Tajima, Masanori Hayami, Katsushi Tokunaga, Takeo Juji, Masafumi Matsuo, Sangkot Marzuki, Keiichi Omoto, Satoshi Horai.* Genetic origins of the Ainu inferred from combined DNA analyses of maternal and paternal lineages // *J. Hum Genet.* 2004. № 49. P. 187–193.
- Duggan A.T., Choongwon Jeong, Shigeki Nakagome, Anna Di Rienzo.* Deep History of East Asian Populations Revealed Through Genetic Analysis of the Ainu // *Genetics.* 2016. Vol. 202. P. 261–272.
- Duggan A.T., Whitten M., Wiebe V., Crawford M., Butthof A., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Pakendorf B.* Investigating the prehistory of Tungusic peoples of Siberia and the Amur-Ussuri region with complete mtDNA genome sequences and Y-chromosomal markers // *PLoS One.* 2013. № 8 (12): e83570. doi: 10.1371/journal.pone.0083570
- Hanihara K.* Mongoloid dental complex in the deciduous dentition, with special reference to the dentition of the Ainu // *Journal of the Anthropological Society of Nippon.* 1970. Vol. 78. P. 3–17.
- Hanihara K.* Dental traits in Ainu, Australian aborigines, and New World populations // *The first Americans: origins, affinities, and adaptations.* N.Y., 1979. P. 125–134.
- Ito S.* Regional differences of the Ainu skulls with references to the non-Ainu characteristics of the skulls from Moyoro, Hokkaido // *J. Med. Sci.* 1971. № 46. P. 247–268.
- Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T.* Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data // *Anthropological Science.* 2010. Vol. 118, № 2. P. 95–106.
- Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., Yoneda M.* Biological affinities of Okhotsk culture people with East Siberians and Arctic people based on dental characteristics // *Anthropological Science.* 2009. Vol. 117. P. 121–132.
- Ohyi Haruo.* On the process of crystallization of «Sakhalin Ainu» // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University.* 1985. № 17. P. 165–192.
- Scott G.R., Irish, J.D.* Human tooth crown and root morphology: The Arizona State University dental anthropology system. Cambridge University Press, 2017.
- Sekine Tatsuhito.* Japanese, The Infiltration of Ezochi by Japanese as Indicated by Stonework Belonging to the Edo Period // *Journal of the Japanese Archaeological Association.* 2013. № 36. P. 59–84.
- Sekini Tatsuhito.* Japanese products excavated from Sakhalin owned by the Sakhalin State University // 中近世北方交易と蝦夷地の内国化に関する研究 平成22年度～25年度科学研究費補助金基盤研究A (課題番号22242024) 研究成果報告書-2014. Исследование северной торговли среднего и раннего Нового времени и одомашнивания эдзоты. 2010–2013 фин. годы. Грант поддержки научных исследований «А» (тема № 22242024). Отчет о результатах исследований. Университет Хиросаки, 2014. С. 1–182.
- Turner C.G. II, Nichol C.R., Scott G.R.* Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system // M.A. Kelley, C.S. Larsen (eds.) *Advances in Dental Anthropology.* Wiley-Liss; New York, 1991. P. 13–31.
- Turner C.G., Hanihara K.* Additional features of Ainu dentition // *American Journal of Physical Anthropologist.* 1977. Vol. 46, № 1. P. 13–24.

References

- Alekseev V.P. (1966) *Osteometriia* [Osteometry]. Moscow: Nauka.
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Cranioimetry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Vasilevskii A.A. (1987) *Issledovanie poseleniia Kuznetsovo-I* [Study of the Kuznetsovo-I settlement]. In: *Issledovaniia pamiatnikov drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Studies of monuments of ancient cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd., pp. 204–205.

- Veselovskaya, E.V., Rasskazova, A.V., Leibova, N.A. & Grigorieva, O.M. (2022) New Anthropological Data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East Part 2. Dental Anthropology, Craniofacial Reconstruction. *Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 3. pp. 168–194 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/37/10
- Voronina V.G., Vashchaeva V.F. (1979) Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka. Primor'e [Peoples of Siberia and the Far East. Primorye]. In: *Etnicheskaja odontologija SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 212–228.
- Golubev V.A. (1986) Arkheologicheskie istochniki izucheniia drevnei istorii Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov [Archaeological sources for the study of the ancient history of Sakhalin and the Kuril Islands]. In: *Problemy arkheologicheskikh issledovaniia na Dal'nem Vostoke SSSR: Materialy XIII Dal'nevostochnoi nauchnoi konferentsii po problemam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii* [Problems of archaeological research in the Far East of the USSR: Proceedings of the XIII Far Eastern scientific conference on problems of domestic and foreign historiography]. Vladivostok: IIAE DVO AN SSSR, pp. 12–27.
- Debets G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniia Kamchatskoi oblasti [Anthropological research of the Kamchatka region], *Trudy Instituta etnografii. Novaia seriia*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. XVII.
- Zubov A.A. (1979) Zakliuchenie [Conclusion]. In: *Etnicheskaja odontologija SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 229–251.
- Zubov A.A. (1968) *Odontologija. Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Dental Anthropology. Methodology of Anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. (1993) *Odontologija v antropofenitike* [Dental Anthropology in Anthropophenetics]. Moscow: Nauka.
- Zubova A.V. (2018) Neoliticheskoe naselenie Iuzhnogo Primor'ia i ego rol' v formirovanii korenogo naseleniia Dal'nego Vostoka (po odontologicheskim dannym iz mogil'nika Boismana-2) [Neolithic population of the southern Primorye and its affinities with the indigenous population of the Far East (based on dental non-metric traits from the Boismans-2 burial ground sample)], *Camera Praehistorica*, no. 1, pp. 117–128
- Zubova A.V., Kerbs (Kazakova) E.A. (2018) Odontologija mokhe troitskoi grupy v kontekste formirovaniia naseleniia Dal'nego Vostoka [Dental Anthropology of Mokhe from Troitsky Burial Ground in The Context of The Origin of Ancient Population of Russian Far East], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. XXIV, pp. 260–263.
- Kozintsev A.G. (2021) Ob indoneziiskom komponente v antropologicheskome sostave naseleniia Iaponii [On the Indonesian Component in The Population History of Japan], *Etnografija*, no. 4(14), pp. 24–36.
- Kozintsev A.G. (2014) Evropeoidy, mongoloidy, avstraloidy: stadial'nost' ili metisatsiia? [Caucasoids, Mongoloids, Australoids: stadiality or miscegenation?]. In: *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2013] / Ed. by Iu.K. Chistov. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 27–35.
- Kozintsev A.G. (1974) Statisticheskie dannye k probleme proiskhozhdeniia kraniologicheskogo tipa ainov [Statistical data on the problem of the origin of the craniological type of the Ainu]. In: *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoj istorii* [Race-genetic processes in ethnic history]. Moscow: Nauka, pp. 229–242.
- Kozintsev A.G. (2017) Ainy, iapontsy, ikh predki i sosedi: rezul'taty kranioskopicheskikh issledovaniia v Iaponii [Ainu, Japanese, their ancestors and neighbors: results of cranioscopic studies in Japan]. In: *Ainskaia problema (Voprosy etnogeneza i etnicheskoj istorii ainov)* [The Ainu Problem (Questions of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)]. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh, pp. 87–110.
- Kun K.Ia. (1993) K 350-letiiu plavaniia gollandskoi ekspeditsii pod rukovodstvom Maartena Gerritsena Frisa u beregov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov. Iz zhurnala starshego shturmana Kornelisa Iansona Kuna. Vstupitel'naia stat'ia, podgotovka teksta perevoda k

- pechati i primechaniia M.S. Vysokova [On the 350th anniversary of the voyage of the Dutch expedition led by Maarten Gerritsen Vries off the coast of Sakhalin and the Kuril Islands. From the journal of senior navigator Cornelis Jansson Koen. Introduction, preparation of the translation for publication and notes by M.S. Vysokov], *Kraevedcheskii biulleten'*, no. 4, pp. 98–149.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. (1978) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: MGU.
- Sokolov A.M. (2009) Iaponskie gardy tsuba v ainskikh kollektiiax Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo RAN [Japanese tsuba guards in the Ainu collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. In: *Vostochnaia Aziia: Veshchi, istoriia kolleksii, teksty* [East Asia: Objects, History of Collections, Texts]. St. Petersburg: MAE. Vol. 55, pp. 121–135.
- Khaldeeva N.I. (1979) Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka. Dal'nii Vostok [Peoples of Siberia and the Far East. Far East]. In: *Etnicheskaia odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 204–211.
- Khrisanfova E.N. (1978) *Evolutsionnaia morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of the human skeleton]. Moscow: MGU.
- Atsushi Tajima, Masanori Hayami, Katsushi Tokunaga, Takeo Juji, Masafumi Matsuo, Sangkot Marzuki, Keiichi Omoto & Satoshi Horai (2004) Genetic origins of the Ainu inferred from combined DNA analyses of maternal and paternal lineages, *J Hum Genet*, no. 49, pp. 187–193.
- Duggan A.T., Choongwon Jeong, Shigeaki Nakagome, Anna Di Rienzo (2016) Deep History of East Asian Populations Revealed Through Genetic Analysis of the Ainu, *Genetics*, Vol. 202, pp. 261–272.
- Duggan A.T., Whitten M., Wiebe V., Crawford M., Butthof A., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Pakendorf B. (2013) Investigating the prehistory of Tungusic peoples of Siberia and the Amur-Ussuri region with complete mtDNA genome sequences and Y-chromosomal markers, *PLoS One*, no. 8(12): e83570. doi: 10.1371/journal.pone.0083570
- Hanihara K. (1979) Dental traits in Ainu, Australian aborigines, and New World populations. In: *The first Americans: origins, affinities, and adaptations*. N.Y., pp. 125–134.
- Hanihara K. (1970) Mongoloid dental complex in the deciduous dentition, with special reference to the dentition of the Ainu, *Journal of the Anthropological Society of Nippon*, Vol. 78, pp. 3–17.
- Ito S. (1971) Regional differences of the Ainu skulls with references to the non-Ainu characteristics of the skulls from Moyoro, Hokkaido, *J. Med. Sci.* no. 46, pp. 247–268.
- Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. (2010) Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data, *Anthropological Science*, Vol. 118, no. 2, pp. 95–106.
- Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., and Yoneda M. (2009) Biological affinities of Okhotsk culture people with East Siberians and Arctic people based on dental characteristics, *Anthropological Science*, Vol. 117, pp. 121–132.
- Ohyi Haruo (1985) On the process of crystallization of «Sakhalin Ainu», *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University*, no. 17, pp. 165–192.
- Scott G.R., Irish, J.D. (2017) *Human tooth crown and root morphology: The Arizona State University dental anthropology system*. Cambridge University Press.
- Sekine Tatsuhito (2013) Japanese, The Infiltration of Ezochi by Japanese as Indicated by Stonework Belonging to the Edo Period, *Journal of the Japanese Archaeological Association*, no. 36, pp. 59–84.
- Sekini Tatsuhito (2014) Japanese products excavated from Sakhalin owned by the Sakhalin State University. In: 中近世北方交易と蝦夷地の内国化に関する研究-平成22年度~25年度科学研究費補助金基盤研究A(課題番号22242024) 研究成果報告書-2014. A Study on the Northern Trade in the Middle and Early Modern Period and the Domestication of Ezochi. FY2010-FY2013. Grant-in-Aid for Scientific Research (Topic No. 22242024). Research Report. Hirosaki University, pp. 1–182.

Turner C.G. II, Nichol C.R. and Scott G.R. (1991) Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system. In: Kelley, M.A. and Larsen, C.S. (eds.) *Advances in Dental Anthropology*. Wiley-Liss, New York, pp. 13–31.

Turner C.G., Hanihara K. (1977) Additional features of Ainu dentition, *American Journal of Physical Anthropologist*, Vol. 46, no. 1, pp. 13–24.

Сведения об авторах:

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Александрович – доктор исторических наук, зав. кафедрой российской и всеобщей истории, Институт филологии, истории и востоковедения, Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: vasilevski@bk.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, доцент, кафедра антропологии, биологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

ПАШЕНЦЕВ Павел Анатольевич – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории, Институт филологии, истории и востоковедения, Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: Pashentsev@inbox.ru

МОЖАЕВ Александр Валерьевич – научный сотрудник, Малое предприятие ООО «Сахалинская археологическая экспедиция» (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: mozaevav@rambler.ru

ЛЕЙБОВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

ГАЛЕЕВ Равиль Марветович – младший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: ravil.galeev@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexander A. Vasilevski, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: vasilevski@bk.ru

Sergey V. Vasilyev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Svetlana B. Borutskaya, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Pavel A. Pashentsev, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: Pashentsev@inbox.ru

Alexander V. Mozhayev, Small Enterprise ООО Sakhalin Archaeological Expedition (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: mozaevav@rambler.ru

Natalia A. Leibova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

Ravil M. Galeev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ravil.galeev@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 октября 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 03.10.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*